

25.02.93

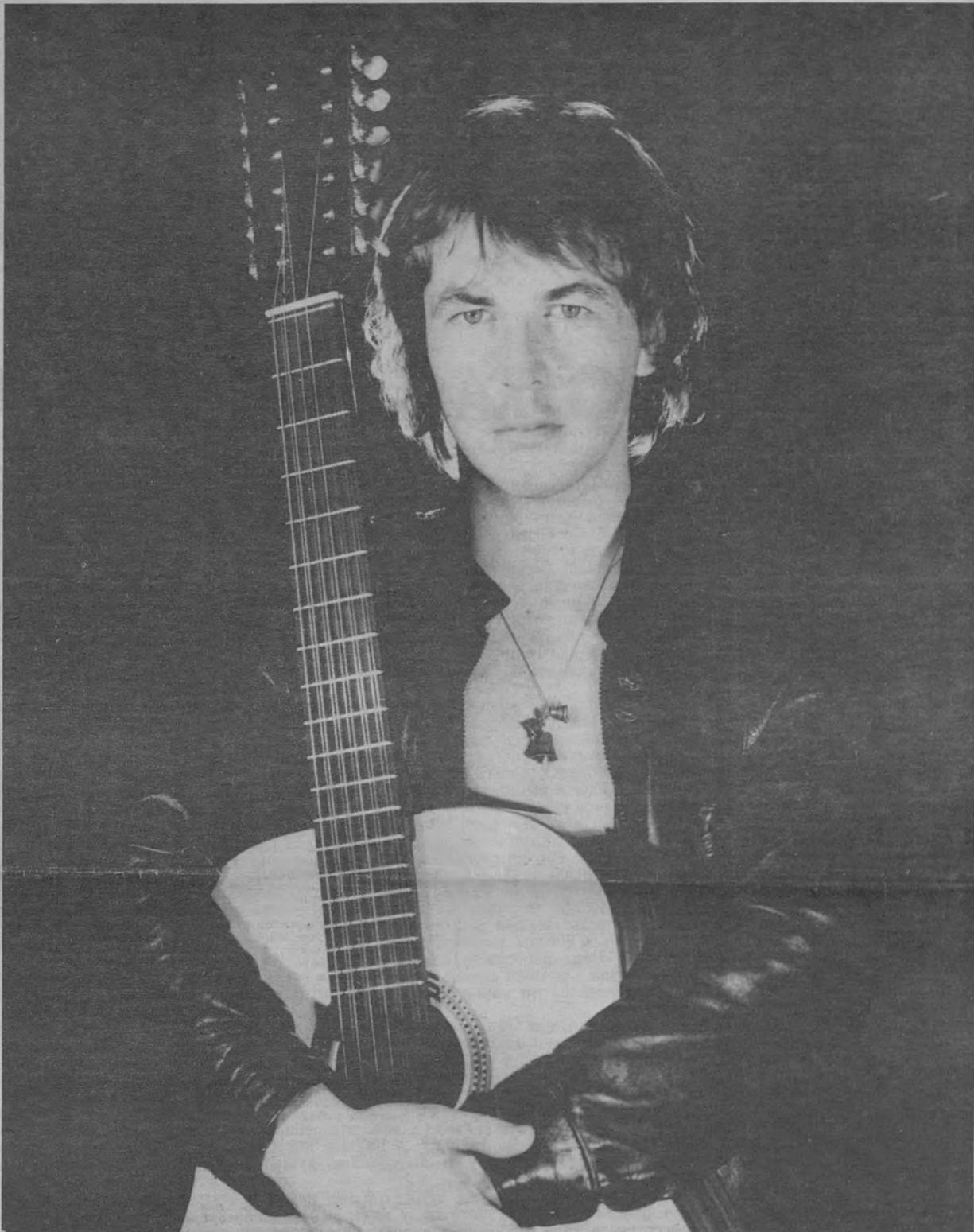

Прошло пять лет со дня смерти поэта и музыканта Александра Башлачева. За это время в Санкт-Петербурге вышел сборник его стихов «Посошок» под редакцией А. Жигинского. Появилось шесть пластинок — «Время колокольчиков», «Все будет хорошо», «Третья столица» и тройной альбом «Таганский концерт», превосходно отреставрированный Борисом Смирновым и изданный студией «Фили-рекордз».

Трудно сообщить о Саше что-то новое — слишком мало времени прошло, слишком много написано о нем. Да и кто лучше представит Поэта, как не он сам, его стихи. Сегодня мы публикуем самые ранние и самые поздние стихи Александра Башлачева — по ним видно трагическое движение Поэта во времени.

Александр
БАШЛАЧЕВ:

«Поэты живут и»

Поезд № 206

Нет времени, чтобы себя обмануть,
И нет ничего, чтобы просто уснуть.
И нет никого, кто способен нажать на курок.
Моя голова — перекресток железных дорог.

Есть целое небо, но нечем дышать.
Здесь тесно — я не пытаюсь бежать.
Я прочно запутался в сетке ошибочных строк.
Моя голова — перекресток железных дорог.

Нарушены правила в нашей игре.
И я повис на телефонном шнуре.
Смотрите, сегодня петля на плечах палача.
Скажи мне, «Прощай», помолись и скорее кончай.

Минута считалась за несколько лет,
Но ты мне купила обратный билет.
И вот уже ты мне приносишь заваренный чай.
С него начинается мертвый сезон.
Шесть твоих цифр помнит мой телефон,
Хотя он давно помешался на длинных гудках.
Мне нужно молчать, стиснув зубы, до боли в висках.

Фильтр сигареты испачкан в крови.
Я еду по минному полю любви.
Хочу каждый день умирать у тебя на руках.
Мне нужно хоть раз умереть у тебя на руках.

Любовь — это слово похоже на ложь.
Пришитая к коже дешевая брошь.
Прицепленный к жестким вагонам вагон-ресторан.
И даже любовь не поможет сорвать стоп-кран.

Любовь — режиссер с удивленным лицом,
Снимающий фильмы с печальным концом.
А нам все равно так хотелось глядеть на экран.

Любовь — это мой заколдованный дом
И двое, что все еще спят там вдвоем
На улице Сакко-Ванцетти, мой дом двадцать два.
Они еще спят, но они еще помнят слова.

Их ловит безумный ночной телеграф.
Любовь — это то, в чем я прав и не прав.
И только любовь дает мне на это права.

Любовь — как куранты отставших часов
И стойкая боязнь чужих адресов.
Любовь — это солнце, которое видит закат.
Это я — это твой неизвестный солдат.

Любовь — это снег и глухая стена.
Любовь — это несколько капель вина.
Любовь — это поезд Свердловск — Ленинград и
назад.

Где нет времени, чтобы себя обмануть,
И нет ничего, чтобы просто уснуть.
И нет никого, кто способен нажать на курок.
Моя голова — перекресток железных дорог.

Посошок

Эх, налей посошок да зашей мой мешок!
На строку — по стежку, да на слова — по два шва.
И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.

Отлевайте немых! А я уж сам отпою.
А ты меня не щади — срежь ударом копыя!
Но гляди — на груди повело полынью...
Расцарапав края, бьется в ране ладья.
И запел алый ключ, закипел, забурлил...
Завертело ладью на веселом ручье.
А я еще посолил, рюмкой водки долил,
Размешал и поплыл в преисподнем белье.
Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
Покрути языком — оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки —
И дорогу штыком преградит часовой.

— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Если хочешь — стихами грехи замолю.
Но объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого что люблю?
Ни узды, ни седла. Всех — в раскод, все — дотла.
Но кое-как запрягла и вон пошла на рысях.
Не бедз, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.
И наша правда проста, но ей не хватит креста.
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что ты, брат, давай, ты пропускай, не дури.
Да постой-ка, сдвается, и ты мне знаком.
Часовой всех времен улыбнется: смотри!
И подымет мне веки горячим штыком.
Так зашивай мой мешок да наливай посошок,
На строку — по глотку, а на слова — и все два.
И пусть сырая метель все кроит белый шелк,
Мелко вьет канитель да плетет кружева.

Абсолютный вахтер

Этот город скользит и меняет названия.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья.
Где всю ночь правил бал Абсолютный вахтер.

Он печатает шаг, как чеканят монеты.
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.

Алый факел — мелодию в белой темнице
Он несет сквозь скучную гармонию стен.
Он выкачивает звуки резиновым шприцем
Из колючей проволоки наших вен.

В каждом гимне — свой долг.
В каждом марше — порядок
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок.
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей

Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилкой патефон, подчиняясь приказу,
Забирает игрой ностальгический вальс.

Бал на все времена. Ах, как сентиментально!
И паук — ржавый крест — спит в золе наших звезд.

Где мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.

Как бесплатные танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный вахтер — не Адольф, не Иосиф.
Дюссельдорфский мясник да псковской живодер.

Полосатые ритмы синкопой на пропуске.
Блюзы газовых камер да свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске.
Бесконечные паузы выжженных глав.

Как жестоки романы патрульных уставов
И канцонов концлагерных нар звукоряд.
Бьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решетки чугуиной струною звенят.

Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо.
И все тот же калибр тех же нот на листах.
Эта линия жизни — цепь скорбных этапов
На незримых и призрачных, жутких фронтах.

Абсолютный вахтер — лишь стерильная схема,
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названием... А впрочем, не все ли равно?

Ведь этот город скользит и меняет названия.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный вахтер.

Башлачев Александр

Экран и смел.

15